

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ В «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» КАССИЯ ДИОНА

© 2007 г.

А.В. Махлаюк, К.В. Марков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

makhl@pochta.ru

Поступила в редакцию 09.11.2007

Выявляются особенности творчества Диона Кассия как одного из наиболее ярких представителей античной исторической мысли II–III вв. н. э. Рассматриваются те конкретно-исторические и социокультурные обстоятельства современного автору периода, интеллектуальные стандарты эпохи Второй софистики и особенности государственной карьеры историка, которые могли определять замысел и литературную форму его сочинения, его видение прошлого и настоящего.

Историк всегда так или иначе выступает как медиатор между прошлым и настоящим. Ориентация (и сознательная установка) на рассмотрение прошлого в связи с животрепещущими проблемами и вызовами современности, а настоящего – сквозь призму исторического прошлого появляется и получает разработку еще в античной историографии. Такой подход был характерен и для римской историографии (может быть, даже в большей степени, чем для греческой), начиная с ее самых первых шагов (Фабий Пиктор и так называемые анналисты). Соотнесение и корреляция древности и современности в трудах античных историков осуществлялись разнообразными путями, с использованием различных средств и форм, с разными целями (вплоть до сведения политических счетов, самооправданий, апологетики и т.д.).

В римской историографической традиции одной из форм выявления и экспликации неразрывной взаимосвязи прошлого и настоящего был летописный жанр (анналистика), изначально ориентированный на охват в едином труде всей римской истории – от ее легендарных истоков и до современных историку событий. При этом историописание в Риме возникло (и развивалось в дальнейшем) как своеобразная форма служения государству: показательно, что за исторические труды брались, как правило, прежние активные участники политической борьбы, многоопытные высокопоставленные представители правящей элиты, уходившие на покой. В сочинениях римских историков обнаруживается примечательное сочетание двух, казалось бы, разнонаправленных компонентов: с одной стороны, это тот общественно-исторический «римский миф», который представлен традиционным набором примеров (*exempla*), персонажей и характеров, воплощающих римские ценности, и служит одной из основ римской идентичности;

с другой стороны, это прямая обращенность исторического нарратива к «злобе дня», превращающая историю не просто в средство моралистического назидания и абстрактных политических уроков, но в источник идей, понятий, образцов, которые могут и должны служить для исправления пороков и изъянов современной общественно-политической ситуации.

Среди наиболее важных и показательных исторических трудов, созданных в соответствии с названными установками, особое место принадлежит «Римской истории» Кассия Диона, которая, к сожалению, по-прежнему остается вне сферы внимания отечественного антиковедения, но в последние десятилетия с нарастающей интенсивностью изучается зарубежными специалистами. Возможно, Ф. Миллар прав, подчеркивая, что Дион не был Полибием [1], не имея ни продуманной исторической теории, ни глубокого понимания исторического процесса. Однако было бы неправильно, признавая значение комплекса политических идей, развиваемых на страницах «Римской истории», считать, что Дион – прежде всего политик, подчиняющий историю насущным политическим задачам, и недооценивать своеобразие его сочинения именно как целостного исторического труда, в котором древность и современность образуют нерасторжимое единство, обуславливающее, как представляется, и само идейно-политическое содержание взглядов Диона.

Говоря об этом своеобразии работы Диона, следует обратить внимание на следующие принципиально важные моменты. Во-первых, он – единственный из римских историков после Ливия, взявшийся за столь масштабный проект, как подробная, изложенная в анналистическом ключе история Рима почти за 1000 лет. Ничего подобного не появилось ни на латинском, ни на греческом языке в «золотое столетие» Антони-

нов, казалось бы, несравненно более благоприятное для неспешного вдумчивого занятия историописанием, чем бурная эпоха Северов, когда политический ландшафт менялся с калейдоскопической быстротой и все явственнее обнаруживались тревожные кризисные тенденции. Но сам разительный контраст двух эпох, насыщенность и динамичность того исторического времени, в какое выпало Диону жить, делать карьеру и писать свой труд, безусловно, стимулировали интерес к истории, причем к истории в ее самом непосредственном соотношении с проблематичным настоящим и смутным, непредсказуемым будущим. Во-вторых, с точки зрения своего происхождения, биографии, социального статуса и реального политического опыта Дион занимает совершенно особое место среди римских историков. Достаточно сказать, что за время его жизни (163 или 164 г. – ок. 230 г. н. э.) на императорском троне побывало 12 правителей, из которых только двое (Септимий Север и Марк Аврелий) умерли своей смертью. Сам историк был дважды консулом, членом императорского совета, наместником в ряде провинций, в том числе в Верхней Паннонии, что нетипично для сенатора, происходившего из восточной части Империи. Ясно, что работал он в совершенно иных исторических условиях, нежели Ливий или Тацит, для которых, в период их работы над историческими сочинениями, времена смут, тирании или анархии были позади и наступила та *rara temporum felicitas* («редкое счастливое время»), когда можно было сосредоточиться на самом прошлом, а не на поисках выхода из нового кризиса.

Резонно поэтому поставить вопрос: каким образом конкретно-исторические обстоятельства этого периода, современная автору социокультурная ситуация, интеллектуальные стандарты эпохи Второй софистики, индивидуальная судьба историка определяли его замысел, литературную форму «Истории», его видение прошлого и настоящего.

Дион как историк был одновременно и традиционалистом, и новатором. Он традиционен в общей форме своего труда, в обращении с источниками (в этом отношении он следует отнюдь не лучшим образцам античной историографии); он типичен и предсказуем в характерных для его сословия предрассудках и преубеждениях; неоригинален во многих своих суждениях. Вместе с тем, как справедливо отмечается в новейших исследованиях [2], Дион создает новый вид историописания, главной отличительной особенностью которого как раз и является критическое рассмотрение современной

политики, а также расширение репертуара историографической техники, включая прямое обращение к политической теории. «Историки этого времени [первых десятилетий III в.], поскольку они видели больше истории, чем их предшественники, были и продуктом северовской эпохи, и ее творцами» [3]. «История» Диона, действительно, менее всего представляет собой академично-бесстрастный, объективный рассказ о прошлом и о современных событиях.

В ряду специфических оригинальных черт «Истории» Диона на первое место можно поставить ее «персоналистичность», которая выражается в последовательно проводимой авторской позиции и весьма весомом автобиографическом элементе (трудно найти другого римского историка, который столь подробно сообщает о себе). Для Диона его исторический труд – это письменное выражение его жизненного опыта [4]. Но при этом важно, что Дион не просто представляет себя как человека, в полной мере способного написать историю, отвечающую потребностям его времени. Он отождествляет себя с той традицией, воплощением и хранителем которой был римский сенат.

Другая особенность, важная для нашей темы, заключается в сознательной концентрации внимания на последних десятилетиях Республики и правлении Августа (книги 37–56, посвященные периоду 65 г. до н. э. – 14 г. н. э., составляют 1/4 всего труда, тогда как сам этот период – менее 1/10 излагаемой истории). Вероятно, будучи свидетелем гражданских войн, Дион мог проводить параллели с той эпохой, тем более что такие аналогии присутствовали в политической пропаганде Септимия Севера, который стремился представить себя вторым Августом. Примечательно также, что образы Августа и Септимия Севера получились у Диона довольно схожими. Главное, что их объединяет, – амбивалентность. Дион дает им обоим взвешенную оценку, не затушевывает негативные стороны их правления и особенно утверждения у власти. Акцентируя внимание на ряде общих проблем, с которыми столкнулись оба императора, историк демонстрирует возможные пути решения данных вопросов. Важно отметить, что именно в этой части своего труда Дион в наибольшей степени раскрывается как историк. Рассказ о падении римской республики и утверждении единовластия в идейно-содержательном плане приближается к лучшим образцам античной исторической мысли. Изучение этих книг позволяет пересмотреть некоторые представления о Дионе, утвердившиеся в исторической науке со времени выхода в свет

основополагающей монографии Ф. Миллара. В частности, существует точка зрения, что Дион, подобно Саллюстию и Плутарху, не обнаруживает глубокого понимания исторических реалий и объясняет исторические процессы посредством идеологических стереотипов и традиционных клише. Как пишет Л. де Блуа в одной из своих последних работ по данной проблематике, Дион «отражал только конечный результат исторических процессов и объяснял факты в общем моралистическом ключе, используя традиционные представления о жадности солдат, тираническом и достойном поведении правителей, разнужданности толпы» [5]. Уточним, что эти особенности наиболее ярко проявляются в заключительных книгах «Римской истории», посвященных современной Диону эпохе Северов, где более всего заметна политическая ангажированность автора [6]. Совершенно иным выглядит повествование о падении Республики и становлении императорской власти. Здесь Дион предстает (или, по крайней мере, хочет казаться) беспристрастным исследователем, «персоналистичность» не столь очевидна, как в других книгах. Основываясь на принципе объективности (LIII. 19. 2–6) и взяв за образец методы социально-политического анализа Фукидида [7], Дион пытается дать взвешенную оценку политическим лидерам двух противоборствующих лагерей и, самое главное, выявить некоторые исторические закономерности [8]. Он обнаруживает понимание объективности исторического процесса, его определенной независимости от воли конкретных политических деятелей. Например, историк неоднократно указывает на то, что убийство Цезаря не могло повернуть вспять ход истории и утверждение единовластия было неизбежно, так как управленческие структуры, сформировавшиеся в рамках небольшого гражданского коллектива, оказались малоэффективными и даже пагубными, когда Рим стал огромной державой (XLIV. 1. 2–2. 4; XLVII. 39. 2–5; LII. 15. 5–16. 2). Прочность и жизнеспособность государственного строя, созданного Октавианом Августом, восстановление стабильности и порядка Дион объясняет не столько личными качествами основателя принципата, сколько проведением целого ряда структурных преобразований, которые историк скрупулезно перечисляет в LIII книге [9].

Наконец, анализируя события собственного времени, Дион не ограничился лишь морализаторскими суждениями. Он осознавал системный характер социально-политических, военных и экономических проблем, стоявших перед государством в начале III в. [10] В целом пессими-

стически оценивая свою эпоху, Дион, тем не менее, считал возникшие трудности преодолимыми [11]. При этом он не сводит решение к добросовестности и моральным достоинствам правителей, но предлагает программу кардинальных преобразований, которая вкладывается им в уста одного из героев Августова века – Мецената – и формулируется в речах других персонажей [12]. В речи Мецената обнаруживается примечательное сочетание явно утопических идей, рациональных предложений, предвосхищающих установления эпохи домината, реалий времен Августа и порядков, сложившихся во II – начале III в. [13]

Такая позиция, разительно непохожая на ту, с которой писал об истории принципата Тацит, обуславливает принципиально значимый подход Диона к переломным моментам исторического прошлого. Для него первостепенное значение и интерес имеют конкретные события, структурные, институциональные изменения, поведение таких ключевых политических сил, как сенат и войско, а не персональный фактор, не человеческие характеры. Идеальная монархия, по Диону, возможна и без идеального монарха. И если Тацита можно назвать «монархистом по необходимости, из отчаяния», то Дион, имевший перед глазами и «золотой век» Антонинов, и начало его превращения после смерти Марка Аврелия в «царство железа и ржавчины» (LXXI. 36. 4), был монархистом по глубоко выстраданному убеждению, считая созданную Августом систему не только оправданной, но приемлемой и достаточно эффективной, при условии сохранения и укрепления реальных властных функций и престижа senatorского сословия [14]. Важно еще раз подчеркнуть, что Дион, как политический реалист, прекрасно осознававший, сколь непостоянной может быть добрая воля монарха, в отличие от других идеологов принципата возлагал надежды не столько на благосклонность правителей, сколько на определенную реорганизацию системы управления державой. Согласно его проекту, в руках сенаторов должны находиться все ключевые государственные посты, а императорские решения по самым важным вопросам утверждаются сенатом (LII. 22). Наиболее важные государственные дела, в частности разработка новых законов, назначение на высшие государственные посты, распределение почестей и наказаний, обсуждаются в *consilium principis*, состоящем только из сенаторов (LII. 15. 1–4). Кроме того, Дион предлагает изыскивать средства на армию за счет обширных императорских владений (LII. 28. 1–4), а также не допускать прижизнен-

ного обожествления императоров (LII. 35. 3–5). Реализация этих мер лишила бы императора важнейших механизмов власти, и управление государством осуществлялось бы под контролем могущественной сенатской олигархии [15]. Таким образом, Дион как выразитель интересов сената оказался даже более смелым, чем римские авторы I в. н. э. Неизбежно возникает вопрос о том, насколько реалистичной была программа Диона, не являлась ли она утопической по своей сути. Ведь, во-первых, реальное политическое развитие в эпоху Северов шло по пути максимальной концентрации власти в одних руках. Во-вторых, Дион оставляет открытым вопрос о том, насколько совместимы две главные составляющие его проекта – переход реальных рычагов власти к сенаторам и централизация управления государством, в частности заметное ущемление автономии городов. Думается, что автор «Римской истории» все же не был утопистом. Как человек практического склада ума, имея за плечами солидный опыт государственной службы, Дион менее всего был склонен к абстрактному теоретизированию. Например, он прекрасно понимал, что для наведения порядка в государстве необходимо провести административную реформу (а именно увеличить количество провинций, сократив их размеры и пополнив штат управленцев) (LII. 22. 1–6), унифицировать чеканку монеты, систему мер и весов и поставить под контроль государства расходы городов (LII. 30. 9) и т.д. Все эти меры действительно будут реализованы, но уже позднее, в эпоху домината. Тем не менее, продумывая конкретные механизмы реорганизации государства, Дион оказался пленником корпоративных интересов и стереотипов политического мышления сенаторов. Кроме того, некоторая противоречивость программы Диона станет более понятной, если ее рассматривать в контексте социально-политического развития Рима в правление Александра Севера, так как, вероятнее всего, этому императору Дион адресовал свой проект [16]. Юный император был более благосклонен к высшему сословию, чем его предшественники. Более того, сам Дион в это время становится знаковой политической фигурой, фактически одним из столпов режима Александра Севера. Вероятно, он имел определенное влияние на императора и мог надеяться хотя бы на частичную реализацию своих смелых замыслов. Политик не погубил в Дионе ис-

торика, но помог ему увидеть и показать в истории то, что прошло мимо взора других писателей.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 07-01-00047а.

Список литературы

1. Millar F. A Study of Cassius Dio. – Oxford, 1964. – P. 171.
2. Kemezis A.M. The Roman Past in the Age of the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. PhD Diss. University of Michigan, 2006.
3. Ibid. P. 3.
4. Ibid. P. 93.
5. Blois L. de. The perception of emperor and empire in Cassius Dio's Roman History // *AncSoc.* 1998–1999. Vol. 29. P. 280.
6. Bering-Staschewski R. *Römische Zeitgeschichte bei Cassius Dio.* Bochum, 1981. 114 ff.
7. Rich J.W. Cassius Dio. The Augustan settlement (Roman history 53–55.9). Warminster, 1990. P. 14.
8. Марков К.В. Начало политической карьеры Октавиана Августа в оценке Диона Кассия // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Выпуск 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева / Под. ред. А.В. Махлаюка. – Нижний Новгород, 2007. – С. 329 и сл.
9. Kemezis A.M. Op. cit. P. 132 ff.
10. Дион называет свое время «царством железа и ржавчины» (σιδηρῶν καὶ κατιρμαίνην), противопоставляя его «золотому царству» Антонинов (LXXI. 36. 4), но вместе с тем он отмечает, что ситуацию можно исправить посредством последовательных и неспешных реформ (LXXIII. 10. 3).
11. Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // Alföldy, G. *Die Krise des Römischen Reiches: Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgewählte Beiträge.* – Stuttgart, 1989. – S. 333.
12. Наиболее важными в этом отношении представляются речи Октавиана Августа (LIII. 3–11), Ливия (LV. 14–21) и особенно речь Тиберия (LVI. 36–41). См.: Марков К.В. Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07. 00. 03. – Нижний Новгород, 2007. – С. 16.
13. Espinosa Ruiz U. Debate Agrippa-Mecenas en Dion Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en época severiana. Madrid, 1982. P. 479; Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // *Hermes.* 1962. Bd. 90. H. 4. S. 448 ff.
14. Blois L. de. Op. cit. P. 268–272, 278.
15. Смышляев А.Л. Речь Мecenата (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 62.
16. Марков К.В. Концепция... С. 14.

THE PAST AND THE PRESENT IN CASSIUS DIO'S «ROMAN HISTORY»

A.V. Makhlayuk, K.V. Markov

The aim of the article is to reveal peculiarities of Dio's work and define social and cultural factors, mental attitudes and career vicissitudes that formed and guided his political and historical views. The main feature of Dio's «Roman History» is the author's self-positioning as the senator-historian and the expression of self-experience via historical narrative. The feeling of total crisis of the Empire led Dio to detect system and institutional changes underlying historical developments of past and present times and elaborate a coherent plan of the state reconstruction. All these features as well as the impressive amount of the narrative enable us to characterize Dio's «Roman History» as a unique historical writing for the late second and early third centuries A.D.